

— Марчелло Мастроянни, Никита Михалков и Марта Келлер, 1987

В 1994-м жюри возглавлял Клинт Иствуд, ему ассистировала в качестве вице-президента Катрин Денев. В лидеры вышли «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова, но ему опять не повезло: главную награду отхватил новый кумир — Квентин Тарантино за «Криминальное чтиво». Михалков так и не сумел сорвать Пальмовую ветвь: последняя его попытка штурмовать Канн фильмом «Предстояние» (сиквелом «Утомленных солнцем») оказалась совсем провальной.

Год 1995-й: в Канне разгорается «балканская война». Золотая пальмовая ветвь, уже вторая в карьере Эмира Кустурицы, достается ему за фильм «Подполье». Вторым призом награжден «Взгляд Улисса» грека Тео Ангелопулоса. На сцене Ангелопулос в шутку (в которой была только доля шутки) ударил Кустурицу свернутой призовой грамотой по голове.

Сеанс шоковой терапии произошел в Канне в 1999 году. Как будто стимулируемые финалом тысячелетия, представили на конкурс свои новые работы

самые культовые режиссеры мира — Педро Альмодовар, Джим Джармуш, Дэвид Линч, Такэси Китано. Но ни один из этих фильмов, за исключением «Все о моей матери» Педро Альмодовара, не был награжден ни одним из призов. А Золотую пальмовую ветвь отдали малоизвестным тогда бельгийским братьям Дарденн за «Розетту» — социально-психологическую драму, снятую ручной камерой. Так решил председатель жюри Дэвид Кроненберг. Это решение сформулировало приоритеты Каннского фестиваля: антибуржуазность, социальный гуманизм и новые формы повествования.

Статус президента жюри, который почти не имеет значения даже на таких фестивалях, как Венецианский или Берлинский, в Канне чрезвычайно значим. Так, именно президентской позиции Вима Вендерса, Бернардо Бертолуччи и Романа Полански американский кинематограф обязан тем, что три года подряд на рубеже 1980–1990-х побеждал в Канне (хотя мотивы решений жюри каждый раз были разными).

В первые годы существования фестиваля каннское жюри всегда возглавляли французы, причем не кинорежиссеры, а ученые, драматурги, писатели. Жан Кокто делал это трижды — в 1953, 1954 и 1957 годах. Вступив впервые на этот пост, он проявил невероятное зверство, настаивая, чтобы все члены жюри посмотрели каждый фильм дважды.

Каждый Каннский фестиваль начинается с того, что жюри обещает полную и стопроцентную объективность своих решений, на которые не может повлиять решительно ничто, кроме качества представленных на конкурс фильмов. Тем не менее вся история Канна буквально кишит сюжетами о невероятных интригах, которые разворачиваются вокруг и внутри жюри: их средоточием становится присуждение Золотой пальмовой ветви. Есть даже спец-аналитики, умеющие при беглом взгляде на состав жюри довольно быстро просчитать, кто с кем из конкурсантов в каких состоит отношениях. И, как правило, выясняется, что в жюри обязательно заседает чья-то теща, бывший любовник или будущий деловой партнер. Бороться с этим практически бесполезно, ибо в кинематографе все со всеми переплетены многочисленными нитями, только часть из которых видима. И Золотая пальмовая ветвь присуждается не богами, а живыми людьми, которые сидят в жюри, подвержены влияниям и вообще могут ошибаться.

Однако без каннского золота не было бы ни Ларса фон Триера, ни Михаэля Ханеке, ни многих, многих других легендарных кинематографистов. Человек, конечно, был бы, а миф — нет.

— Роман Полански, 1991

перед фестивальным дворцом перестали вывешивать национальные флаги, а в каталоге даже не пишут, какой фильм какую страну представляет. Достаточно имени режиссера

— Квентин Тарантино и Вирна Лизи, 1994